

XIV

ТИХОМИРОВСКИЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ
ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. П. Г. ДЕМИДОВА

XIV ТИХОМИРОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы научной конференции

Ярославль,
22—23 октября 2013 года

Ярославль
2014

чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции, Ярославль, 21—22 октября 2011 года / Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Ярославль, ЯГИАХМЗ, 2012. С. 296—322.

² Часть предметов данного комплекса, к сожалению, в настоящее время утрачена, в частности бляшка в стиле Еллинг (ил. 2, 9) и бляшка с антропоморфным изображением (ил. 2, 4), поэтому не вошла в анализируемую серию.

³ Прочтение надписи старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа И. Г. Добровольского.

⁴ *Седых В. Н.* 1) Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 173—188; 2) Тимерево: итоги исследований 1983—1990 гг. // Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция. Сборник статей / Под. ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, Рыбинск, 2012. С. 157—170.

⁵ *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Бусы из погребальных комплексов Тимерева: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции, Ярославль, 21—22 октября 2011 года / Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Ярославль, ЯГИАХМЗ, 2012. С. 320.

⁶ Гнездовский могильник. Исследования и публикации. Часть 1. Археологические раскопки 1874—1901 гг. (по материалам ГИМ) / Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М., 1999.

⁷ Там же. С. 132. Рис. 18: I.41: 2, 4.

⁸ *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1-й. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР. № 28. СПб., 1902. Табл. XII, 1; *Jansson I. Österled // Viking og Hvidekrist. Norden og Europa 800—1200. København, 1993. P. 74—81.*

⁹ *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. E1-36. Л., 1973. С. 25—26.

¹⁰ *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 46—48; 58. Рис. 66.

¹¹ *Andersson G.* En ansedd familj: Vikingatida välstånd i Antuna // Arkeologi i Attundaland. UV Stockholm, 1994. P. 54—73.

¹² *Andersson G.* En ansedd familj: Vikingatida välstånd i Antuna // Arkeologi i Attundaland. UV Stockholm, 1994. P. 60. Fig. 4.

¹³ *Асташова Н. И., Пушкина Т. А.* Работы Смоленской экспедиции // АО 1972 года. М., 1973. С. 51.

¹⁴ Измерения произведены Я. В. Френкелем в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе ArtTAX (используемый режим: 50 kV, 700 mA, время экспозиции — 40 сек.). Сердечно благодарим С. В. Хаврина за помощь и содействие.

¹⁵ Либо оловянно-цинковой бронзы.

¹⁶ Либо оловянно-цинковой бронзы.

¹⁷ Либо оловянно-цинковой бронзы.

УДК 902/904 (470.316)

С. С. Зозуля

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КАМЕРНОГО ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЯ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ*. ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ 100 И 459 ТИМЕРЁВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Процесс смены трупосожжений трупоположениями на территории Древней Руси эпохи образования государства давно привлекает внимание исследователей. Очевидно, что подобные коренные перемены столь консервативного ритуала как погребальный обряд проходили в разных районах страны по-разному и, конечно, не синхронно. И все же определенные закономерности существуют.

Одним из интереснейших феноменов этого периода являются камерные захоронения, обнаруженные во всех крупных «дружинных» некрополях древнерусского государства. Регион Ярославского Поволжья не является исключением (Рис. 1).

Общая характеристика и история исследования Тимеревского археологического комплекса неоднократно приводились в публикациях. Подводя итог, стоит добавить, что за более чем 140-летнюю историю исследования комплекса общее количество раскопанных курганов превышает 470¹. Курганов, содержащих камеры, выявлено лишь 5.

Одними из наиболее интересных погребений по обряду трупоположения можно считать так называемые камерные захоро-

© Зозуля С. С., 2013.

* Статья печатается в авторской редакции.

нения. Формально существуют несколько систем критериев для выделения камерных погребений. А.-С. Греслунд основывалась, в том числе, на метрических характеристиках погребальной ямы. Так, все ямы с шириной более 135 см отнесены ею в Бирке к камерным захоронениям. Ю. Э. Жарнов, обрабатывая материалы Гнёздова, отнес к камерным погребения те, ширина дна ям которых более 140 см, а соотношение ширины и длины от 0,55 до 1. В случае, если метрические характеристики могильной ямы не соответствуют установленным минимальным размерам, то к камерным можно отнести погребения, отвечающие наличию таких факторов, как сидячее положение погребенного или сохранившиеся остатки погребальных конструкций, сопоставимые по своим размерам с достоверными камерными сооружениями (Жарнов, 1998, С. 95; Graslund, 1980, P. 7—12). К. А. Михайлов, рассматривая камеры из Гнёздова, предложил использовать для анализа древнерусского материала определение камерных захоронений, разработанное Я. П. Ламмом. Автор предлагает считать камерными те захоронения, где погребальное сооружение с деревянными конструкциями построено непосредственно на месте (в яме) как помещение для сохранения тела умершего и погребального инвентаря (Михайлов, 2001, С. 160; Lamm, 1973, S. 66).

Первое камерное захоронение было обнаружено в Тимерево в 1974 г., спустя 102 года после начала исследования могильника. Курган 100 содержал, вероятно, 2 захоронения. В центральной части насыпи была зафиксирована крупная яма с оплывшими краями; на разной глубине при разборе насыпи были обнаружены ладейные болты и фрагмент кольчужного плетения (рис. 2). С большой долей вероятности можно предполагать, что в насыпи было совершено впускное погребение. Авторы раскопок считали это погребение впускным трупосожжением на стороне (Фехнер, 1974, С. 23). Отсутствие угля и пережженных костей дает основания для реконструкции впускного погребения как ингумации, причем, вероятно, женской.

В Тимерево фрагменты кольчужного полотна найдены в 4 захоронениях (курганы 100 (разрушенное погребение), 140, 166, 209). Причем во всех захоронениях не выявлено других предметов вооружения (Недошивина, 1991, С. 167—168). В насыпях 140, 166 и 209 обнаружены трупосожжения, невыразительный инвентарь не позволяет определить половую принадлежность

усопших, однако свидетельствует в пользу того, что погребены могли быть женщины. Незначительные размеры элементов плетения указывают на тот факт, что на погребальный костер не были положены целые кольчуги, а лишь фрагменты. Амулеты в форме миниатюрных предметов вооружения, как наступательного (мечи, копья, возможно, топоры), так и защитного (щиты), известны в древнерусском и скандинавском материале и обнаруживаются, почти всегда, в женских и детских захоронениях (Новикова, 1991). Следовательно, элементы кольчужного плетения могли выполнять аналогичную функцию, и именно в женских погребениях. Таким образом, трактовка ингумации (?) в кургане 100 (разрушенное захоронение) и трупосожжений в курганах 140, 166, 209 как «дружинных» требует, как минимум, дополнительной аргументации.

На материке были выявлены значительные по размеру очертания камеры размером 5,20 × 3,75 м (Рис. 3). Однако хотелось бы обратить особенное внимание на глубину камеры — всего 0,3 м. 5 деревянных обгорелых плах были приняты за остатки сожженной лады, исходя из обнаружения ладейных заклепок выше, в насыпи. Тем не менее, одна из плах перекрывала бронзовый сосуд в камерном захоронении. Подобное расположение, скорее всего, свидетельствует об обрушении верхних потолочных перекрытий внутрь камеры. То, что перекрытия оказались обгоревшими, — дополняет наши сведения об особенностях бесспорно сложного погребального обряда².

Комплекс находок, состоящий из представительнейшего набора вооружения и снаряжения коня и всадника, женских украшений, торгового инвентаря и бытовых предметов, неоднократно описывался и публиковался (Фехнер, Янина, 1978; Недошивина, Фехнер, 1985, с. 108; 110—112; Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 1, 2, 5; Недошивина, 1991, с. 166—173, рис. 1, 1; 2, 1—3; 4, 1—3; 5; Недошивина, Зозуля, 2012, с. 183—184, рис. 3—6). Датировка, основанная на обнаружении монеты 976 г. чеканки, стала уже традиционной.

Открытым остается вопрос о конструкции погребальной камеры. Захоронение мужчины и женщины сопровождалось тушами 2 коней и 2 особей крупного рогатого скота. Очевидно, что глубины могильной ямы в 0,3 м просто не могло хватить для сокрытия туш³, если предполагать, что верхнее перекрытие было просто уложено на борта неглубокой ямы. Расположение зафик-

сированных плах вдоль длинной стороны подпрямоугольной ямы также делает подобную конструкцию очень некрепкой, если не использовались поперечные слепы или некие подпорки, впрочем, ничего подобного в погребении не выявлено. Теоретически срубная часть камеры могла выступать над самой ямой. При отсутствии зафиксированной срубной конструкции предположение кажется весьма натянутым. Возможным является существование верхнего перекрытия как коньковой конструкции. В пользу этого предположения как будто свидетельствует реконструкция авторами раскопок конькового перекрытия в камере 297 тимеревского некрополя, имеющей глубину от 0,13 до 0,25 м (Дубов, Седых, 1992, с. 116, рис. 1). Коньковое перекрытие в любом случае требует опор. Исходя из законов логики, строительной техники и устойчивости конструкции, центральная опора конькового перекрытия должна располагаться посередине коротких сторон подпрямоугольной ямы. Очевидно, нижний край конькового перекрытия должен опираться на венцы сруба, несколько выходя за его пределы. В нашем случае — на борта ямы. Но в кургане 100, в отличие от 297, столбовых ям не зафиксировано. Обгоревшие плахи располагались в погребении параллельно длинной стороны подпрямоугольной могильной ямы, то есть если и было коньковое перекрытие, то конструкция его весьма не логична. Причем особенности расположения плах в принципе не позволяют предположить расположение центральной опоры перекрытия по центру длинной стороны подпрямоугольной могильной ямы. Третьим аргументом против коньковой конструкции в любой ее проекции остаются туши животных, располагавшиеся и вдоль юго-западного, и вдоль юго-восточного бортов камеры. Следовательно и коньковое перекрытие при таком расположении туш не решило бы проблемы их сокрытия. Видимо, с сожалением придется признать невозможность обоснованной и логичной реконструкции погребального сооружения в кургане 100.

Курган № 459 был исследован в 1977 г. (Фехнер, 1977, с. 14—16). Как и в предыдущем случае, центральная часть насыпи уничтожена крупной ямой (Рис. 4). В заполнении ямы обнаружены жженные и нежженные кости, фрагмент дужки ведра, фрагменты керамики, отдельные угольки и зола. Необходимо добавить, что в насыпи кургана, в части не поврежденной ямой, были так же найдены в нескольких скоплениях фрагменты керамики, уголь-

ки, глиняное грузило, ушко ведра. Авторы раскопок посчитали, что разрушено было трупосожжение на стороне.

Под курганной насыпью был выявлен контур камеры размером 3,75 × 3 м (Рис. 5). В оставленные еще до земляных работ бровки, ориентированные по сторонам света, яма камерного захоронения вообще не попала. Никаких следов деревянных конструкций (перекрытий потолка, облицовки стен, пола) при разборе заполнения камеры обнаружено не было. Глубина ямы достигала 0,75 м. К сожалению, и в этом случае достоверно реконструировать деревянные конструкции невозможно. Остается только предполагать наличие как минимум перекрытий потолка исходя из традиции сооружения деревянных конструкций в подобном типе захоронений.

Инвентарь захоронения представлен значительным количеством категорий, материал из кургана также неоднократно публиковался и описывался (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 108; Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 6—7; Недошивина, 1991, с. 167; Недошивина, Зозуля, 2012, с. 187, рис. 10—11). Одной из наиболее интересных и хронологически важных находок можно считать обнаружение (в районе правой руки погребенной?) крестика, грубо вырезанного из арабской монеты, чеканенной в 969/970 гг. (Зозуля, 2011). Последнее обстоятельство позволяет отнести погребение ко времени, близкому последней четверти X в., и считать одним из первых христианских погребений в могильнике.

Кроме курганов 100 и 459, в тимеревском некрополе камерные захоронения выявлены еще в 3 курганах — 284, 297 и 348⁴.

Под насыпью кургана № 284 обнаружена могильная яма размером 1,9 × 1,4 м, углубленная в материк на 0,75 м. В погребении зафиксированы остатки деревянных конструкций пола и верхнего перекрытия. Внутри камеры был похоронен мужчина в сидячем положении. Комплекс, по мнению авторов раскопок, относится к середине — $\frac{3}{4}$ X в. (Седых, Френкель, 2012, с. 301—305).

Размеры погребальной камеры в кургане 297 составляли 1,6 × 2,6 м, при углублении в материк на 0,13—0,25 м. Для выяснения конструкции важен факт обнаружения под одной из скорлупообразных фибул и на другой остатков дерева. Вероятно, это остатки рухнувшего потолка и пола камеры. Вдоль южного и северного бортов камеры выявлены остатки деревянных плах шириной до 0,1 м и толщиной до 0,02 м (Дубов, Седых, 1992, с. 116, 121, рис. 1, 4). К сожалению, этих данных недостаточно, чтобы со-

гласиться с их интерпретацией в качестве конструкций стен камер. В погребальной яме обнаружено парное труположение взрослой женщины и девочки подростка с разнообразным инвентарем, довольно характерным для камерных захоронений. Набор погребального инвентаря во многом близок камерному захоронению 348, что позволяет предполагать их близкую датировку.

В кургане 348 была похоронена женщина в сидячем положении в могильной яме размером 2,9 × 1,9 м, глубиной 0,6 м (Недошвина, Фехнер, 1985, с. 110; Фехнер, Недошвина, 1987, рис. 9; Зозуля, 2012). Никаких деревянных конструкций выявлено не было, но есть основания предполагать хотя бы наличие верхних перекрытий. При глубине в 0,6 м и не очень крупной могильной яме этот потолок мог быть и простейшей конструкции, то есть конструкция могла относиться к типу «земляные камеры» по типологии Ю. Э. Жарнова (Жарнов, 1998, с. 96).

Все 5 захоронений в Тимерево отвечают метрическим параметрам, выделенным для определения камерных погребений. В 2 курганах умерший был захоронен в сидячем положении, 2 погребения парные. Разнообразный инвентарь, отличающий эти погребения на фоне большинства рядовых захоронений в Тимерево, сравним с материалом из камерных захоронений, обнаруженных на территории Древней Руси и Северной Европы. Однако при разработке критериев выделения этого типа погребений исследователями не учитывалась глубина могильной ямы. Так, наиболее глубокие камеры из Тимерево (к. 459 — 0,7 м, к. 284 — 0,75 м) соответствуют по этому показателю наименее глубоким, к примеру, из Гнёздова. Глубина камеры из кургана 100 — 0,3 м, 297 — от 0,13 до 0,25 м. Кроме того, ни в одной из камер Тимерево достоверно не зафиксированы деревянные конструкции, представленные настилом пола, обшивки стен и перекрытия потолка. В курганах 348 и 459 перекрытие потолка может только реконструироваться. В кургане 100 зафиксировано, судя по всему, только оно. В курганах 284 и 297 выявлены конструкции пола и потолка, однако отсутствуют стены.

Все камеры относятся как минимум ко второй половине X в., хотя не менее 3 из них относятся к последней четверти X и, возможно, началу XI в. Неполнота деревянных конструкций и поразительно неглубокие ямы, скорее всего, являются хронологическим фактором. Наблюдения над обрядом камерных захоронений заставляют предположить, что до Ярославского Поволжья

эта традиция могла прийти в измененном виде, что, в свою очередь, наводит на мысль о появлении камер в Тимерево позже, чем, к примеру, в Гнёздово или Киеве, тем более Бирке или Хедебю.

Курган 100 стал последним из исследованных в 1974 г. Он сохранил захоронение с богатым погребальным инвентарем, представляющим особый интерес. Он расположен на юго-восточной окраине Тимеревского могильника вблизи распаханного поля. Густая лесная поросль чрезвычайно затрудняла работу на нем. Как и все погребальные сооружения в Тимерево, курган 100 имел полусферическую форму. Ранее был копан, о чем свидетельствует яма с заплывшими краями в его центральной части, диаметром около 2,5—2,75 м и глубиной 50—60 см.

Размеры кургана: высота 75—100 см, диаметр по линии СЮ — 13 м, по линии ЗВ — 14,25 м. Насыпь кургана состоит из глины. Под дерном найдена обглоданная кость овцы. На глубине⁵ 40—50 см в северо-западном секторе в ранее копанной яме обнаружен кусок спекшейся кольчуги, а в юго-восточном секторе (за пределами ямы, в выбросе из нее) — 3 обломка грубой лепной керамики.

На глубине 40—70 см найдено пять железных ладейных болтов. Эти находки сосредоточены в юго-восточной части насыпи. Подобный же болт, незамеченный во время раскопок, обнаружен еще и в выбросе.

На глубине 75 см на материке выявлены очертания могильной ямы 5,20 × 3,75 м и 5 обгорелых плах, которые, видимо, являются остатками сожженной ладьи над погребением. В могильной яме глубиной в 30 см обнаружен богатый инвентарь, судя по которому здесь находилось парное труположение. В погребении найдены: меч с перекрестием и рукоятью (№ 1 по плану⁶), 2 ножа (№ 2), наконечник втульчатого копья (№ 11), стремяна (№ 12), удила (№ 14), наконечники двух стрел (№ 15 и 16), железные петли и оковка днища колчана (№ 17), детали железного уздечного набора (№ 18), железная цепь, состоящая из отдельных витых звеньев с кольцами на концах (№ 18), железная рукоять кнута, инкрустированная латунью с приклепанной на ней обоймой для ременного бича и тремя привесками (№ 13), саманидские дирхемы (6 целых и одна половинка), чеканенные в Самарканде в 60—70-х гг. X в. И остатки кожаного кошелька, в котором они находились (№ 9), две чашечки весов для малых взвешиваний, из латуни, с арабской надписью на дне каждой из них, обломки желез-

ной иглы от коромысла весов и остатки кожного футляра весов (№ 8), два серебряных круглопроволочных височных кольца с завязанными концами, на одном из которых надета стеклянная бусинка (№ 3), прямоугольной формы вставка (камень?) от перстня в серебряной оправе (№ 5), стеклянная игральная шашка (№ 4), стеклянные бусы — глазчатая, лимонка и голубая дынеобразной формы (№ 6), железные четырнадцатигранной формы гири и висячий кубический замок (№ 7), горшок лепной работы (№ 21), металлическая посуда типа подноса (сохранилось дно и частично невысокие стенки со следами клепок, № 20), в которой лежали бисер крупного размера и несколько стеклянных бус (№ 6). Металлический поднос был частично прикрыт обожженной плахой. На ней лежал предмет воронкообразной формы (воск), назначение его не выяснено (№ 19).

Близ северо-западного угла могильной ямы лежали кости крупного рогатого скота (двух особей) — нижняя челюсть и отдельные кости конечностей (№ 22), а также два каких-то железных предмета трубкообразной формы (№ 23). Вдоль южной стенки могильной ямы находились кости двух лошадей (4—6 и 3 лет) — челюсти и кости конечностей (№ 21 и 22).

При погребении находились еще два ледоходных шипа и много обломков металлических предметов, настолько деформированных, что не удалось определить их назначение.

В данном кургане найден также тяжелый золотой перстень (7,35 г) высокой пробы (958) с точечным орнаментом по краям. К сожалению, его местонахождение при погребении не удалось определить, т. к. он был обнаружен в выбросе. Расчистка этого погребения происходила под дождем, и вместе с комком глины перстень был выброшен из могильной ямы.

Итак, судя по материалу, парное трупоположение в могильной яме с остатками сожженной ладьи над ней может быть датировано концом X в.

В насыпи кургана 100 захоронены были, по всей видимости, еще остатки трупосожжения на стороне, о чем говорит фрагмент спекшейся кольчуги из ямы любительских раскопок (Фехнер, 1974, с. 20—23).

Курган 459 находился на юго-восточной окраине памятника. Курган ранее копан, о чем свидетельствует большая яма (3,25 × 3,25 м) круглых очертаний с заплывшими краями, расположенная в самом центре насыпи. Глубина ямы достигала 30—

40 см. Размеры кургана: диаметр по линии СЮ — 9,85, по линии ЗВ — 10, 5 м; высота — около 80 см. Насыпь состояла из песка.

В ЮВ секторе кургана, а также в его центре на глубине 30—35 см найдены обломки днищ, стенок и венчиков толстостенных лепных горшков, отдельные нежженные кости крупного рогатого скота и куски угля. На этой же глубине на ЮВ секторе найдено глиняное грузило овальной формы.

В ЮЗ секторе на глубине 40—45 см найдено несколько кальцинированных костей, возможно, выброшенных из ямы. Одна кальцинированная кость встретилась на дне ямы примерно на той же глубине.

На глубине 75—80 см в СЗ секторе четко обозначилась граница большой могильной ямы (3,75 × 3 м), углубленной в материк на 70 см. На этой глубине в ее ЮВ углу найдены крупные куски угля и зола. При расчистке могильной ямы обнаружен богатый погребальный инвентарь. Судя по характеру вещей, здесь захоронена была женщина, костяк которой не сохранился, она была ориентирована головой на запад. Расположение вещей в погребении обозначено на плане. В составе погребального инвентаря находились следующие предметы:

1. Серебряная витая шейная гривна с завязанными концами. На гривну надеты 6 бусин (зонные и кольцевидные из глухого стекла), 2 круглые привески со сканным орнаментом и орнаментированная пряжка, использованная в качестве привески.
2. Серебряный перстень широкосерединый с завязанными концами.
3. Серебряный круглопроволочный браслет с завязанными концами.
4. Нательный крест, вырезанный из дирхема, под ним маленькие обрывки льняной ткани.
5. Бронзовый держатель цепочки.
6. Серебряная плоская ложка круглой формы с длинной ручкой. На внутренней поверхности — глазковый орнамент. Конец ручки обломан, видимо, она кончалась петелькой.
7. Стеклянная вставка от перстня красного цвета.
8. Гири сферической формы железная, обтянутая медью.
9. 2 бусины — янтарная неопределенной формы и кольцевидная из оранжевого глухого стекла.
10. Обломки 2 монет (дирхемы) плохой сохранности.

11. Фрагменты бронзовой чаши, покрыты темно-зеленой патиной. Сохранилось почти полностью дно чаши, часть нижней стенки и частично отогнутый край венчика. На внутренней поверхности дна чаши нанесено граффити — изображение меча. Чаша находилась близ деревянного ведра и найдена в опрокинутом виде.

12. Остатки деревянного ведра в виде 35 фрагментов железных обручей и железной ручки четырехгранного сечения. Концы ручки завершены крючками, которые вдеты в петли с расходящимися концами. Судя по размеру ручки, диаметр ведра равнялся примерно 24,5 см.

13. Фрагменты деревянной коробки или, вернее, миски. К ее краю приклепаны двумя шпеньками 23 серебряные петельки. Здесь же находилась серебряная бляха круглой формы с процарапанным орнаментом в виде двух трелистников. Она приклепана к деревянной стенке миски семью шпеньками.

14. Железные ножницы 16 см длиной.

15. Фрагменты железных предметов, лежащих грудой в юго-западном углу могилы, среди которых находилась ручка четырехгранного сечения, вероятнее всего от деревянной шкатулки. Концы ручки продеты в петли пробоев, при помощи которых она прикреплялась к шкатулке. В этой же грудке находились железные петли, обломки обручей, стержни и др.

16. В грудке железных вещей, находящихся в северо-западной части могилы, найдены наконечник стрелы, фрагмент личины замка, фрагменты железных пластин трехгранного сечения (может быть, это дужки ведра), назначение же большинства железных обломков осталось неясным.

17. Железный нож.

18. Бронзовая пуговица грибообразной формы с массивной петлей.

19. Зуб лошади.

20. 2 горшка в обломках, которые удалось склеить и догипсовать. Один из них — гончарный с орнаментом на плечах в виде двух рядов косых насечек, второй — лепной неорнаментированный со слабо отогнутым венчиком.

Ввиду того, что в насыпи встречались кальцинированные кости, можно предположить, что данный курган содержал два погребения: женское захоронение в могильной яме и трупосожжение в насыпи (Фехнер, 1977, с. 14—16).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 472 или не менее 480 по разным подсчетам.

² На одной из плах обнаружена сильно прогоревшая свеча. Расположение свечи наверху реконструируемых перекрытий может предполагать наличие некоторого временного интервала между помещением в камеру умершего (соответственно, укреплением верхних перекрытий) и созданием самой насыпи. Крайне заманчиво связать свечу с воспламенением перекрытий. Но никаких оснований для этого у нас нет.

³ В описании и плане погребения фигурируют кости только челюстей и конечностей особей, возможно, туши были помещены в захоронение не полностью, тогда часть представленных заключений может оказаться не актуальной, что, однако, не меняет их общего направления.

⁴ Как и в описанных выше случаях, в курганах 284, 297 и 348 камерные захоронения не были единственными в кургане.

⁵ При раскопках курганов в Тимерево за нулевую точку принималась высотная отметка у подножия центрального кола (пересечение бровок С-Ю и З-В). Далее глубины отсчитывались в отрицательном значении от этой условной, индивидуальной для каждой насыпи, величины.

⁶ Нумерация в описании погребений соответствует нумерации, представленной на рис. 3 данной публикации.

УДК 94(97).04«15»:002(09)(470.316)

Н. А. Грязнова

ИЗ ИСТОРИИ ЯРОСЛАВСКИХ КНЯЗЕЙ ЗАСЕКИНЫХ: НОВЫЕ ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

Этот предмет — эмалевый ларец — известен в музее давно. В Книгу поступлений (КП) он впервые записан в 1966 г. с пометкой «Из старых поступлений»¹. Когда и от кого поступил — не известно. Ларец размерами 25 × 28 × 30 см, по-видимому, использовался для хранения документов. Он изготовлен из медного сплава, имеет форму теремка, состоящего из двух прямоугольных в основании ярусов, покоящихся на четырех фигурных ножках. По

© Грязнова Н. А., 2013.

Иллюстрации к статье С. С. Зозули. К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье.
 Погребения в курганах 100 и 459 Тимерёвского археологического комплекса

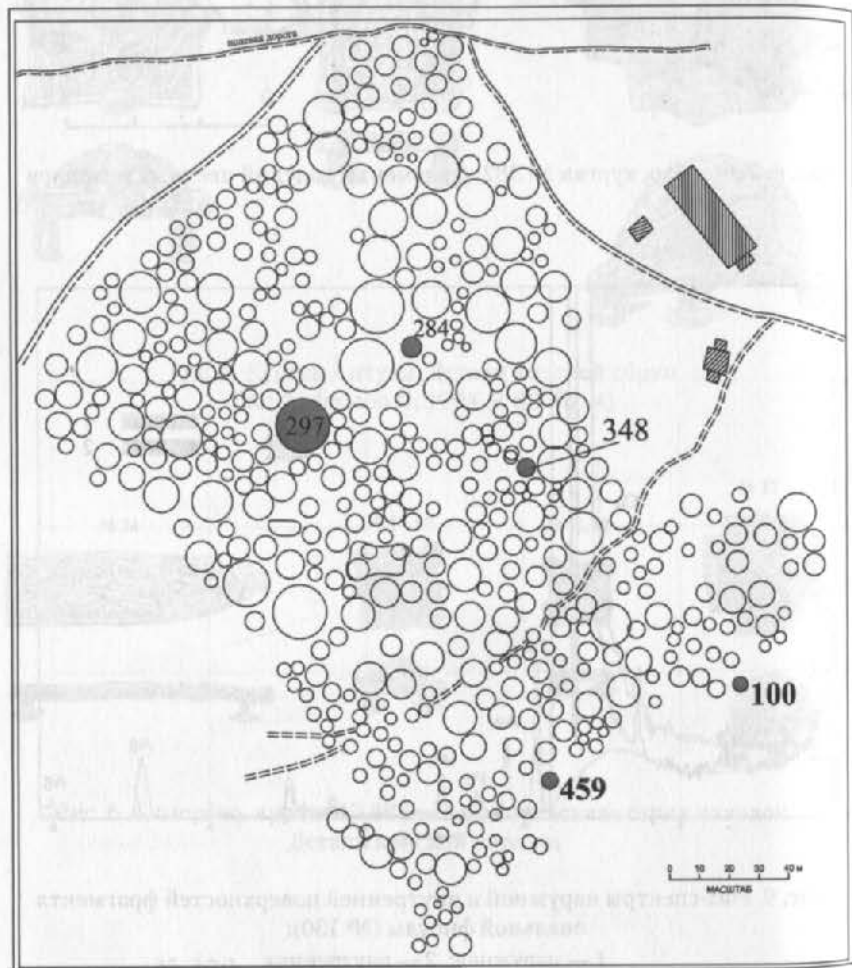
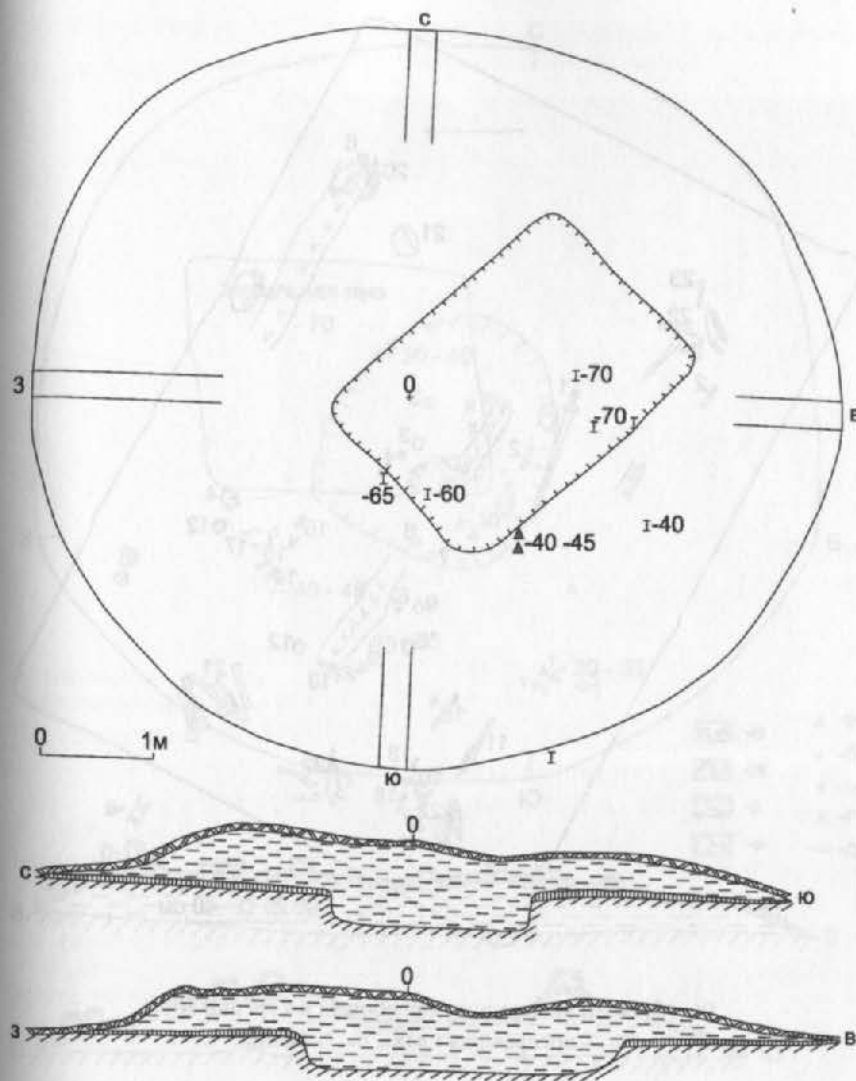

Рис. 1. План курганного могильника Тимерёвского археологического комплекса.

Цветом выделены насыпи, содержавшие камерные захоронения

г-а ▲-б ▨-в ▩-г ▭-д

Рис. 2. План и разрезы кургана 100:

а — ладейная заплата, б — фрагмент керамики, в — дерн, г — глина, д — материк

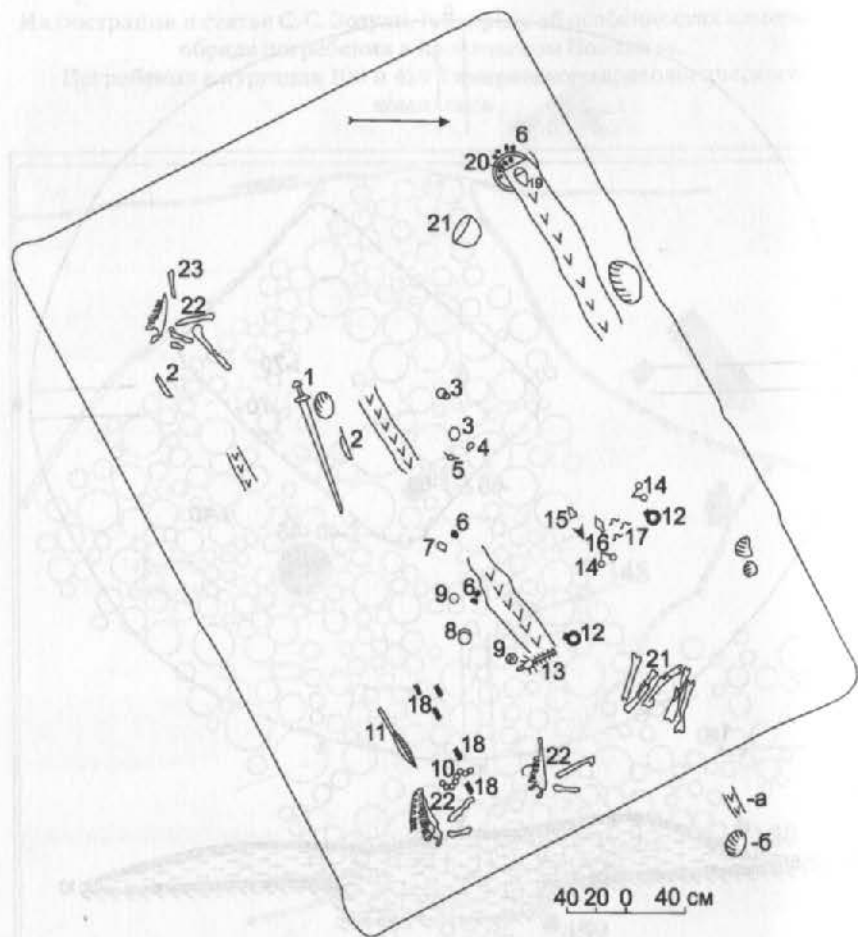

Рис. 3. План камерного погребения в кургане 100:
а — обгоревшая плаха, б — камень

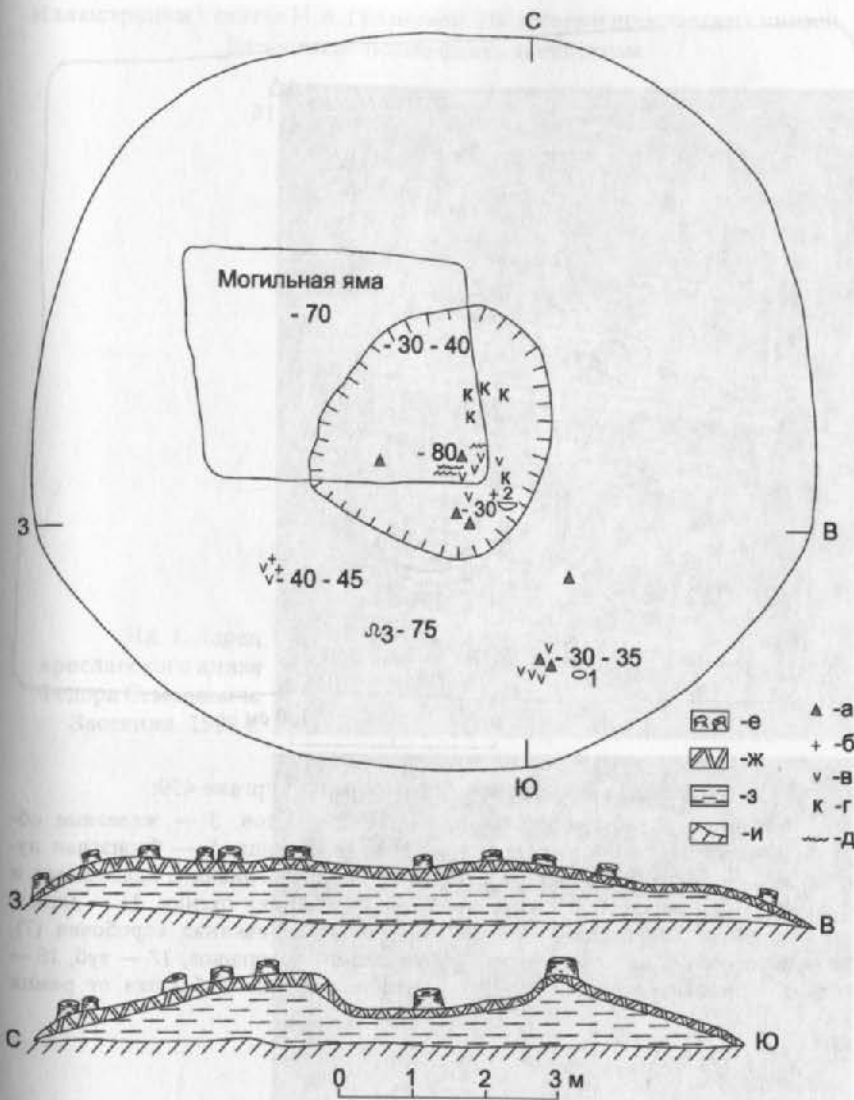

Рис. 4. План и разрезы кургана 459:
а — фрагмент керамики, б — кальцинированные кости, в — уголь, г — нежженные кости, д — зола, е — пни, ж — дерн, з — глина, и — материк, 1 — грузило, 2 — обломок железного ведра, 3 — железная петля